ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Из прошлого Русской концептуальной власти

Нам достаточно часто приходится сталкиваться с такими вопросами, как: “Был ли Внутренний Предиктор СССР в прошлом? в чём состояла и как проявлялась в жизни общества его деятельность?”

Чтобы ответить на такого рода вопросы, необходимо начать с того, что «предиктор» с сопутствующими эпитетами это — только слова, которыми обозначено определённое явление в жизни общества. Поэтому более правильно ставить вопрос несколько иначе: “В чём состоит суть того явления общественной жизни, которое ныне получило название «Внутренний Предиктор СССР», и имело ли место это явление в прошлом?”

Суть этого явления состоит в том, что жизнь людей протекает не как попало, а всегда в русле определённых концепций жизни общества в преемственности поколений. Концепции, представляя собой алгоритмы самоуправления общества, могут осознаваться людьми какими-то своими фрагментами, однако при этом оставаясь вне осознания ими как целостности даже в минимальной детальности. Тем не менее они объективно существуют, поскольку всякое общество некоторым образом самоуправляется, а *информация и нравственные мерила, в совокупности представляющие собой алгоритмы общественного самоуправления,* — так же объективны.

И издревле были и есть ныне люди, которые оказывались:

- способными воспринять в себя в некоторых образах разные концепции,
- осознать каждую из них более или менее детально,
- по своему нравственно обусловленному произволу отдать предпочтение одной из них,
- оказать на всю их совокупность воздействие, возможно выдвинув новую концепцию, изменив тем самым по своему нравственно обусловленному произволу и разумению доступными им средствами дальнейшее течение жизни.

> При предельном же обобщении концепций оказывается всего две: либо в ладу с Богом осуществлять Его Промысел, либо идти против Промысла, противопоставляя Промыслу свою отсебятину в слепоте самонадеянности атеизма, безверия Богу или откровенного сатанизма.

Однако предубеждение о том, что нет Бога или что в Мироздании нет места Его Промыслу, что Его Промысел выражен исключительно в той или иной вероисповедальной традиции, приводит к тому, что субъект становится жертвой одержимости. Вследствие этого прежде, чем его осознанная воля поставит перед интеллектом задачу подумать о том, «концептуальная власть: миф или реальность?»[1], его бессознательные уровни психики заблокируют переосмысление этой темы и он останется при мнении: «Какая концептуальная власть? — надо жить как все: работать, воспитывать детей и т.п.». Как живут пресловутые «все»? Почему они живут так, а не иначе? Могут ли жить иначе и будет ли иной образ жизни благодатнее? — эти вопросы либо не встают, либо пугают возможностью лишиться того, что уже есть, не получив ничего лучшего взамен. Но, как показывает исторический опыт, нежелание ими заниматься в той или иной форме, обусловленной исторической эпо-

[1] Название статьи в журнале «Молодая гвардия» № 2, 1990 г. Тогдашний её тираж 700000 экз., расходившихся большей частью среди патриотически обеспокоенной политически активной общественности. Реакция более чем 700000 “патриотов” была близкой к нулю, поскольку большинство из них были либо атеистами, либо были раздавлены библейски-“православной” концептуальной властью, отождествляя её с Божьим Промыслом.

хой, приводит к тому, что люди лишаются и того что есть, получая взамен нечто еще худшее, с чем начинают бороться только тогда, когда оно обретет силу вместо того, чтобы это негативное задавить в зародыше или поставить его в состояние невозможности осуществления, заблаговременно выдвинув альтернативную ему концепцию жизни общества.

Соответственно высказанному мы под термином «концептуальная власть» понимаем два взаимно связанных явления:

- во-первых, власть алгоритмов самоуправления (концепций) над жизнью общества и над жизнью каждого из людей, являющегося членом этого общества;
- во-вторых, внутриобщественную власть тех людей, которые оказываются способными осознать более или менее детально господствующие над обществом концепции и оказать по своему нравственно обусловленному произволу осознанно-целесообразное воздействие на всё множество концепций, устранив влияние одних и придав властную силу алгоритмике других, согласовав с ними, прежде всего, свое собственное поведение и связав с ними психику окружающих.

Если человек обладает определёнными личными качествами, наблюдательностью, знаниями и навыками, задумывается о взаимосвязях в жизни окружающих его людей, составляющих общество, то в результате в его власти оказывается *полная функция управления* течением некоторой совокупности событий, *русло которой он сам выстраивает в избранном им направлении, и в русле которой он действует.* Эта полная функция управления, в свою очередь, оказывается составляющей в какой-то объемлющей совокупности течения событий, которая либо поддерживает её, либо подавляет. Эта объемлющая совокупность событий также может представлять собой процесс управления (или самоуправления) по полной функции.

> В силу этих свойств концептуальной власти она доступна каждому, вне зависимости от его традиционного или узаконенного социального статуса: было бы желание овладеть ею. И вследствие этого концептуальная власть представляет собой самовластье, которое может выражать как долгосрочные (многовековые и тысячелетние) интересы каждого из народов и всего человечества, так и <u>непрестанно выражать</u> сиюминутно-эгоистичные интересы кого-то персонально или корпоративные деградационно-паразитические интересы той или иной группы эгоистов, в том числе и в преемственности поколений эгоистов; она может лежать в русле Божьего Промысла, а может противоборствовать ему по слепоте или злому умыслу.

> **Соответственно, истинная демократия возможна только в том обществе, где трудящееся большинство концептуально властно в искреннем стремлении пребывать в русле Божьего Промысла, что исключает возможности злоупотребления концептуально властных эгоистов и их корпораций, представляющих собой деградирующее меньшинство, в отношении большинства.**

С точки зрения достаточно общей теории управления <u>*полная функция управления*</u> — это своего рода пустая и прозрачная форма, наполняемая содержанием в процессе управления по субъективному произволу; иными словами это матрица, содержащая в себе множество всех объективно возможных вариантов управления, из которых в жизни осуществится какой-то один. Она описывает преемственные этапы циркуляции и преобразования информации в процессе управления, начиная с момента формирования субъектом-управленцем вектора целей управления и включительно до осуществления избранных им целей в процессе управления.

Полная функция управления — иерархически упорядоченная последовательность разнокачественных действий, включающая в себя:

1. Опознавание фактора среды, вызывающего потребность в управлении у субъекта, который с ним сталкивается.
2. Формирование набора характеристик, позволяющего распознавать этот фактор в будущем.
3. Формирование вектора целей управления в отношении данного фактора и внесение этого вектора целей в общий вектор целей своего поведения (самоуправления).
4. Формирование целевой функции (концепции) управления на основе решения задачи об устойчивости в смысле предсказуемости поведения.
5. Организация целенаправленной управляющей структуры, несущей целевую функцию управления.
6. Контроль (наблюдение и коррекция) за деятельностью структуры в процессе управления, осуществляемого ею.
7. Её ликвидация в случае ненадобности или поддержание в работоспособном состоянии до следующего использования.

Пункты 1 и 7 в полной функции управления всегда присутствуют.

При этом способность к выявлению факторов среды, которые вызывают потребность в управлении, представляет собой по существу способность к Различению, даваемую каждому непосредственно Богом. Коран сообщает об этом так: *«О те, которые уверовали! Если вы будете остерегаться прогневить Бога* (вариант перевода: если вы будете благоговеть перед Богом), *Он даст вам Различение и очистит вас от ваших злых деяний и простит вам. Поистине, Бог — обладатель великой милости!»* — 8:29.

В результате данного Богом Различения в сознании человека некий объект, процесс выявляется на окружающем его фоне и его отношения с другими объектами и процессами могут быть осмыслены и неоднократно переосмыслены. Если же Различение Свыше не дано, то объект, процесс не может быть выявлен, представляется невидимым, а равно и не существующим и субъект при всём желании не может организовать в отношении него управление. Эта особенность доступа к Различению всех и каждого исчерпывающе объясняет неэффективность и конечную безрезультативность всех противостоящих Божьему Промыслу концепций.

Промежуточные между первым и седьмым этапы полной функции управления можно в той или иной степени объединить или разбить еще более детально. Полная функция управления может осуществляться только в **интеллектуальной схеме управления**, которая предполагает **творчество** системы управления как минимум в следующих областях: выявление факторов среды, вызывающих потребность в управлении; формирование векторов целей; формирование новых концепций управления; совершенствование методологии и навыков прогноза при решении вопроса об устойчивости в смысле предсказуемости при постановке задачи управления и (или) в процессе управления по схеме предиктор-корректор[1].

Если всё это оказывается обращенным на общество, то полная функция управления так или иначе распадается по системе «разделения властей». Однако, в системе разделения властей в «гражданском обществе» Запада пунктам с первого по четвертый не соответствует ни один из специализированных видов власти. Всё в ней начинается с законодательной

[1] «Предиктор-корректор» — «предуказатель-поправщик», название схемы управления, в которой управляющее сигнал (управляющее воздействие) строится не только на основе информации о состоянии объекта управления в текущий момент времени, но и на основании прогностической информации о возможных в будущем: воздействиях окружающей среды на этот объект, его собственных изменениях, разных вариантах управления.

власти, соответствующей в полной функции управления переходу от пункта 4 к пункту 5, когда некая концепция обретает свое юридическое выражение.

И это говорит о том, что общество, в котором в системе разделения (профессиональной специализации) властей нет концептуальной власти, живёт по внедренным в него концепциям, не понимания их существа и будучи их заложником.

Законы в толпо-“элитарном” обществе представляют собой, прежде всего, рубежи (линии фронтов), на которых одна нравственно обусловленная концепция защищает себя от осуществления в том же самом обществе других, не совместимых с нею концепций — алгоритмов самоуправления, проистекающих из чуждой или враждебной ей нравственности.

Законы, будучи одним из выражений нравственно обусловленной алгоритмики концепций, также пишутся по нравственно обусловленному произволу законодателей на основе их большей частью автоматизмов отношения к явлениям внутреннего и внешнего мира, сформированных культурной средой, в которой законодатель вырос.

Культура, формирующаяся в обществе, живущем на протяжении нескольких поколений под властью определённой концепции, вторична по отношению к ней. И для каждого индивида, вне зависимости от того получил он юридическое образование либо же нет, но так или иначе имеющего дело с законами, вопросом № 1 становится **вопрос о природе происхождения самих законов**. Это касается всех: и чиновников-законодателей, и чиновников-исполнителей, и простых подданных закона. И от того как каждый из них разрешит этот вопрос будет зависеть жизнь миллионов его сограждан и их потомков.

Если человек приходит к мысли, что все законы и практика их применения и толкования в конкретных обстоятельствах на протяжении всей истории проистекают из нравственно обусловленного произвола, то он неизбежно приходит к пониманию природы самой концептуальной власти, начинает отличать народную концептуальную власть от антинародной, приобщаясь таким образом к её полновластью. Если он этого вопроса для себя не решает, то автоматически становится юридически образованным «зомби» — тупым орудием чуждой народу концептуальной власти.

При этом реально уровень понимания профессиональных дипломированных и остепененных юристов в вопросах происхождения и практики применения законодательства может оказываться куда ниже, чем уровень народного понимания. Желающие убедиться в этом могут послушать любого из нынешних проповедников за «правовое государство», прочитать любой учебник по истории законодательств и сравнить их оторванное от реальной жизни многословие с краткими и содержательно полными выражениями народной мудрости.

О происхождении законов: «на людей — закон, а на себя — рассуждение». И в масштабах общества в итоге, с одной стороны, «воля царя — закон», а с другой стороны, «нужда закона не знает, а через закон шагает».

О практике применения законодательства народ говорит столь же кратко и полно: «если б не закон, не было бы и преступника»; «закон, что дышло[1]: куда хочешь, туда и воротишь (куда повернул, туда и вышло)» (Пословицы приведены по тексту “Словаря живого великорусского языка” В.И.Даля, т. 1, ст. “ЗАКОНЪ”).

---

[1] Дышло — жердь, соединяющая переднюю поворотную ось пароконной повозки с лошадиной упряжью.

Иными словами, Русские пословицы показывают, что Русские в целом — концептуально властный народ на протяжении всей своей истории, хотя “элита” Русской цивилизации большей частью концептуально безвластна и *вследствие своего “элитарного” превознесения над народом по гордыне* служит антинародным концепциям и их хозяевам.

Вопрос же о том, кто персонально являлись в прошлом и являются ныне носителями Русской концептуальной власти, это не принципиальный вопрос жизни Руси, а всего лишь следствие этого коллективного свойства Русского — не “элитарного”[1] — образа жизни.

Это так, вне зависимости от того, есть ли в политическом лексиконе термин «концептуальная власть», либо его нет, ибо, коли выявлено управление по полной функции, то это означает, что есть и определённая концепция, есть и концептуальная власть: вопрос только в том, как и в чём они нашли выражение в жизни общества — в неписаных традициях, в мифах, легендах или писании, в строгом терминологическом аппарате науки или — в практической деятельности людей как таковой.

Когда отечественные или зарубежные политики или юристы-профессионалы, а также носители нерусской концептуальной власти об этих свойствах Русского образа жизни забывают (либо, что еще хуже, в упор их не желают видеть) или не понимают отношений концептуальной и законодательной власти, то *народная нужда их закона не знает и знать не желает («дуракам»[2] закон не писан), и, в конце концов, Русская концептуальная власть народа в целом сметает все противные ей доморощенные или импортированные извне “элитарно”-антирусские своды законов и властные структуры, их насаждающие и проводящие в жизнь*.

И возможны всего два направления деятельности носителей концептуальной власти вне зависимости от их этнического происхождения, внутрисоциального положения и образовательного уровня:

- либо подневолить себе (или какой-то корпорации) окружающих и извратить их миропонимание так, чтобы их воля и своенравие служили интересам господина,
- либо исключить из жизни общества господство одних людей над другими.

---

[1] Всякая “элитарность” и притязания на “элитарность” как оглашенные, так и проводимые в жизнь по умолчанию — объективно антирусскость.

[2] «Зашёл Иван в избушку.

Избушка как избушка, ничего такого. Большая печка, стол, две кровати…

— Кто с тобой живет? — спросил Иван.

— Дочь. Иван, — заговорила Яга, — а ты как дурак-то — совсем, что ли, дурак?

— Как это? — не понял Иван.

— Ну, полный дурак или это тебя сгоряча так окрестили? Бывает, досада возьмет — крикнешь: у, дурак! Я вон на дочь иной раз как заору: у, дура! А какая же она дура? Она у меня вон какая умная. Может, и с тобой такая история: привыкли люди: дурак и дурак, а **ты вовсе не дурак, а только… бесхитростный** (выделено нами при цитировании). А?

— Не пойму, ты куда клонишь-то?

— Да я же по глазам вижу: никакой ты не дурак, ты просто бесхитростный. Я как только тебя увидала, сразу подумала: «Ох, и талантливый парень!» У тебя же на лбу написано: «талант». Ты хоть сам догадываешься про свои таланты? Или ты полностью поверил, что ты — дурак?

— Ничего я не поверил! — сердито сказал Иван. — Как это я про себя поверю, что я — дурак?

— А я тебе чего говорю? Вот люди, а!.. Ты строительством когда-нибудь занимался?

— Ну, как?.. С отцом, с братьями теремки рубили… А тебе зачем?

— Понимаешь, хочу коттеджик себе построить… Материалы завезли, а строить некому. Не возьмешься?» (В.М.Шукшин “До третьих петухов”).

Внутренний Предиктор СССР ныне работает на второе в меру своего понимания Промысла. И естественно, что были и в прошлом люди, продолжателями дел которых мы являемся.

По своей воле, в меру своего понимания жизни общества в целом они принимали на себя искренне бескорыстную заботу о других. И эта забота проявлялась в том, что они оказывали целенаправленное воздействие на течение событий, придерживаясь определённой избранной ими самодисциплины, удерживающей их в русле определённой концепции, вне зависимости от складывающихся обстоятельств и вне зависимости от отношения окружающих к этим обстоятельствам и к ним самим.

Однако сказанное — весьма общие слова, смысл которых можно пояснить только конкретными примерами. Обратимся к воспоминаниям, повествующим о реально имевших место не столь далеких событиях, об описании событий в официальных хрониках, об отношении к ним окружающих во время их свершения и спустя многие годы. Это оригинальный текст имеющегося в нашем распоряжении рукописного источника, в который нами внесены только незначительные стилистические изменения.

Напоминание к размышлению

Осенью 1945 года проездом к новому месту службы я навестил в селе Воронцово-Николаевском Ростовской области свою мать. У неё прочел небольшую брошюру местного издания “Не забудем — не простим”. Её автор — Константин Гусев, сотрудник армейской многотиражки, редактор — Филипп Кривов, бывший секретарь Воронцово-Николаевского райкома партии (его я знал как работника Воронцово-Николаевского райкома комсомола в середине двадцатых годов). Брошюру написали и издали в первые дни после изгнания нашими войсками фашистских оккупантов из города Сальска и села Воронцово-Николаевского в начале 1943 года.

Её первая глава так и названа “Не забудем — не простим!”. В ней рассказывается о зверствах немцев в этих населенных пунктах. Вторая глава названа “Староста”. В ней рассказано о деятельности “немецкого старосты” в селе Воронцово-Николаевском — Якубы Ивана Петровича.

Староста

У Ивана Петровича Якубы — старые счеты с немцами. Потеряв в войну 1914 года один глаз, Якуба навсегда затаил жгучую ненависть к врагу.

Полный кавалер 4-х степеней (Георгиевского креста) он глубоко хранит это чувство и теперь, когда прошлое так далеко, он помнит его. Помнит лихие штыковые атаки, в которых он заколол немало немцев, ночные шорохи разведки и славу (полного) Георгиевского кавалера, взявшего с одной ротой в плен 9 тысяч прусаков вместе с командиром полка, знаменем и полковой кассой.

1942 год июль месяц. Зарева пожарищ, дым, пепел, огонь, кровь. Иван Якуба прощается со своими друзьями Кобзарем, Усатым. Из руководства колхоза он один остается в родном селе.

На хуторе новая власть: фрицы и гансы — кнут и палка.

— Кто же назначен старостой? — допытывались колхозники.

— Иван Якуба.

— Якуба, что ты? Активный член правления колхоза и вдруг… староста, странно!

Тяжело было видеть ему презрительные улыбки, язвительные взгляды, двусмысленные намеки, ненависть! Считают предателем… ничего поймут.

По селу шептались:

— Ишь ты, Якуба — староста?

— Это так для видимости, — кинул кто-то. Его обступили: Вот как? Ну-ну, о чём говорит Якуба?

— А вот о чем: “Оглядывайтесь назад! Всякому проходящему дайте хлеба и приведите ко мне. Если нужно, скройте его. Спасайте наших людей!”

— Эге, вот он какой Иван Петрович!

Комсомолец Ф.Беседин был ранен под Сталинградом. Измученный с перебитой ногой он был брошен в Ремонтенские концлагеря.

Оттуда, из далека, доносится его крик о помощи. Якуба дает справки, характеристику, пару лошадей, сопровождающего. Комсомолец бежит из лагерей и возвращается в родную семью.

Нужно скрыть четырех бойцов. Куда? — всюду шныряют фрицы и гансы. Иван Петрович определяет их конюхами при сельхозправлении.

Не беда, что на каждого конюха приходится по полторы лошади, они всё время заняты и конюхи, во всяком случае, не вызывают подозрения. Им выписаны документы, и вскоре бойцы возвращаются в родную Красную Армию.

В сальских концлагерях, на кирпичном заводе, томятся сотни военнопленных, полураздетые, голодные, они взывают о помощи.

— Спасайте наших людей, — бросает клич Якуба. В поселке организуют сбор средств, собирают одежду, обувь, продукты. И женщины-патриотки вместе с Иваном Петровичем ежедневно относят собранное на кирпичный завод. Так были спасены сотни жизней.

Слух о Якубе разносится далеко за пределы г. Сальска.

К нему идут наши люди за справкой, за характеристикой, за пропуском. Ему пишут письма, просят помощи, совета, спасения.

Его зовут «батькой»: “Батько Якуба выручит, он всегда поможет”. В концентрационных лагерях городов Сталино и Таганрога в фашисткой неволе тысячи несчастных. Многие из них были земляками, уроженцами г. Сальска и сёл Воронцовки, Екатериновки, Трубецкой и др. Иван Петрович решает организовать массовый побег. Но как это сделать?

Был среди местных фрицев некий Генрих Курт, переводчик, гуляка и пропойца, готовый за водку, как говорят, черту душу продать.

Услышав предложение Якубы он осведомился:

— Шнапс ист?

— Залью водкой! — убеждал Иван Петрович.

— Гут, ошень гут! — обрадовался Курт.

Так с помощью переводчика путем всяких хитростей было выписано 42 пропуска с характеристиками и отзывами. Двое смельчаков М.Блажко и Лопатин, пройдя все кордоны и заставы, перебросили ценные документы узникам. Побег состоялся.

В конце концов деятельность старосты стала вызывать подозрение у гестаповцев.

Один случай чуть было не испортил игру Якубы. В Воронцовку прибыли два советских разведчика. Выполняя задание командования они пробрались в глубокий тыл врага.

Получив документы и пропуска на Украину, разведчики скрылись. Выполнив задание они возвращались к своим, но были задержаны полицией и брошены в застенки гестапо. У них обнаружили документы, выданные Якубой. Ивана Петровича вызвали в полицию.

— Почему лошный справка? — кричал офицер.

— Простите, господин начальник, ошибка вышла, промазал! — оправдывался Якуба.

— За такой ошипка вешайт! хох — на дерево.

И Иван Якуба, председатель колхоза, старик, герой был оскорблен, впервые в жизни, фашистской розгой.

— Лучше бы повесили, проклятые, — шептал он про себя, — но… кто кого?

Нет числа спасенным им, вырванным из застенков гестапо, из под удавной петли палачей: комсомолец С.Глазунов, лейтенант Донцов, член партии Диденко, мелиоратор С.Ф.Гладилин и много других.

"Спасайте наших людей. Делайте так, чтобы ни один килограмм зерна не попал в руки мерзавцев," — слышался голос из-за Волги и послушный ему Иван Якуба делал всё, чтобы выполнить приказ. Десятки тонн хлеба по подложным квитанциям возвращались народу и шли по дворам вместо элеватора. Скот, предназначенный для отправки в Германию, перегоняли с места на место около хуторов, вместо того, чтобы идти по Ростовскому шоссе.

Бойцы, партизаны и политработники шли в подполье или на фронт по выданным старостой документам.

— Оглядывайтесь назад! Наши идут, наши близко! — провожал их Иван Петрович.

Перед домом И.П.Якубы остановился автомобиль.

— Староста, вэк, вэк! — кричал офицер.

О, как радостно забилось сердце у старика[1]: значит наши идут. Кончается проклятая игра: наконец он снимет тяжелое клеймо немецкого старосты и вздохнет свободно.

— Сейчас, вэк, видишь вон лошади запряжены, я сейчас! — немецкая машина покатилась по шоссе. Иван Петрович свернул с шоссе на проселочную дорогу в колхоз "Сельмашстрой". Еще поворот и… он свободен.

Перед нами пёстрые листы бумаги, то печатные и гравированные, то безыскусные и простые, как рука их писавшая. Все говорят об одном:

О великом мужестве, о горячем патриотизме и беспримерной самоотверженности старого колхозника.

«… И.П.Якуба показал себя патриотом Родины, постоянно проявлял заботу о Красной Армии.

Начальник штаба в.ч. НКВД
капитан Трошков»

«…И.П.Якуба, работая старостой, всю свою работу направлял на спасение граждан, в особенности красноармейцев (офицеров и их семей). Благодаря стараниям т. И.П.Якубы более 2500 гражданам была оказана помощь зерном, мукой, деньгами. 75 человек инвалидов получали (денежное) пособие из местных (волости) средств.

Несмотря на неоднокртаные требования германских властей ни один из членов партии (известных Ивану Петровичу) не был выдан.

Жители села Воронцово-Николаевское»

А вот коллективная благодарность бойцов, командиров и политработников, спасенных Иваном Петровичем…

Вот отзывы сельсовета и других организаций…

Всё это подлинные документы о великой ненависти к врагу, живые свидетельства непреклонной твердости характера русского человека, сумевшего в исключительно трудных условиях остаться верным Родине и своему народу.

Подлинные документы находятся в Ростовском областном музее краеведения.

Директор музея (Подпись)
Печать музея.

*　*
*

[1] Вообще-то И.П.Якубе было в это время чуть больше 50 лет: он родился в 1890 г.

Глава 2, “Староста” из брошюры “Не забудем, не простим!” мною переписана в 1965 году из документов, присланных Дому пионеров города Сальск Ростовским областным музеем краеведения.

Автор брошюры по-видимому не обладал способностями литератора или по причине поспешности написал “Не забудем, не простим!” так, как умел, а редактору пришлось первый раз в жизни редактировать подготовленное к печати “издание”, поэтому тот фактический материал, каким располагали, они не смогли доходчиво преподнести читателю.

Ивана Петровича Якубу я знал с детства по той причине, что наша семья с 1911 по 1922 годы жила на квартире в усадьбе, принадлежавшей его отцу Петру Ивановичу Якубе — до революции волостному старшине (старосте) Воронцово-Николаевской волости. Отец с сыновьями не раз бывали у нас.

Их большая семья жила на западной окраине села у гребли[1] через реку Средний Егорлык на правом берегу. Якубы занимались хлебопашеством, при усадьбе имелся небольшой кирпичный завод. Хозяйство было богатое, “кулацкое”. После непродолжительного периода Советской власти с конца 1917 года, П.И.Якуба был волостным старшиной и при белых, начиная с лета 1918, по февраль 1920 года.

В начале первой мировой войны его сына Ивана призвали в царскую армию. Воевал он на Западном фронте. Отличился. Летом 1916 года возвратился домой без правого глаза, награжденный четырьмя Георгиевскими крестами: полный Георгиевский кавалер, единственный в нашем большом селе за всю первую мировую войну. Носил темные очки, ходил в мундире младшего унтер-офицера и с наградами.

В конце двадцатых годов бывший волостной старшина хозяйство разделил между сыновьями поровну. Из одного “кулацкого” хозяйства получилось пять слабых середняцких. Во время коллективизации в 1930 году все вступили в колхоз. Ивана Петровича Якубу избрали членом правления и заместителем председателя колхоза. На этом посту и застала его война с фашистской Германией в 1941 году.

После прочтения брошюры “Не забудем, не простим!” у меня появилось чувство глубокого уважения к этому человеку, восхищения и преклонения перед его мужеством и дерзкой отвагой! Я заинтересовался личностью и делами “старосты”. Хотелось поговорить с ним и выяснить неясное: главное — то, что толкнуло его добровольно пойти на службу к фашистским оккупантам, служить своему народу, своей Родине, бороться с ними в одиночку?

В мае 1965 года пришел к нему домой поговорить. Он жил в доме, где наша семья прожила с 1911 по 1922 годы. Разговор состоялся. Иван Петрович рассказал всё, как было.

Когда в 1942 году летом обстановка на Южном участке советско-германского фронта сложилась не в нашу пользу и стало ясно, что город Сальск оккупируют фашисты, партийные, советские органы и руководство колхозов стали готовиться к эвакуации в восточные районы страны. Тогда Якуба и обратился к председателю Воронцово-Николаевского сельсовета и высказал ему свое намерение не эвакуироваться, а остаться в селе и стать в нём немецким старостой. Мотивировал он это тем, что по его мнению немцы здесь долго не продержатся: наши их погонят. Значительная часть колхозного имущества останется на месте. Его начнут растаскивать по своим дворам наши граждане, поэтому кому-то надо

[1] Местное название для земляной запруды.

присмотреть за тем, кто и что утащит, для того, чтобы после изгнания оккупантов его можно было собрать.

Такое решение одобрили колхозники — его друзья Кобзарь, Усатый, Шпак. Немцев он знал хорошо и не сомневался в том, что ему — сыну бывшего волостного старшины царской России — поверят. Председатель сельсовета выслушал и предложил эвакуироваться вместе со всем руководством колхоза, поскольку фашисты, если он останется дома, его повесят как колхозного активиста.

Вместе со всеми членами правления колхоза он выехал на восток, но отъехав километров на 20 от села, возвратился. В селе и в городе уже были немцы.

Город Сальск и село Воронцово-Николаевское разделены улицей, протянувшейся между ними с востока на запад. Для оккупантов это был обозначенный на военно-топографических картах один населенный пункт — город Сальск, поэтому в нём они создали одну гражданскую городскую власть.

Бургомистра оккупанты подобрали из местных жителей. Им стал гражданин Потатука — человек, известный в городе с начала 20-х годов, как артист-любовник купеческого театра, потом техник-строитель горисполкома, беспартийный. Откуда и почему он в конце гражданской войны переселился в Сальск, кто его рекомендовал германским властям в бургомистры, — неизвестно. Обе дочери бургомистра — молодые, красивые женщины, работали переводчицами в немецкой комендатуре.

Городскую “биржу труда” возглавил сын умершего накануне первой мировой войны жандарма железнодорожной станции Торговая (теперь город Сальск), бывший комсомолец ячейки РКСМ[1] школы II ступени имени Карла Маркса, член партии, преподаватель железнодорожной средней школы Рысаков Евгений.

В редакции местной фашистской газеты для населения активно и вдохновенно стал работать сын бывшего управляющего хлебными ссыпками хлеботорговца Парамонова в поселке при станции Торговая, бывший комсомолец той же ячейки РКСМ Ланговой Валентин.

В городскую полицию пошли служить те, кто ненавидел Советскую власть уже тогда, когда шла гражданская война, — в основном сыновья бывших сельских богатеев и нэпманов. Но среди полицаев были и сыновья некоторых потомственных рабочих города. Все эти люди добровольно, активно стали служить “новой власти”.

Через несколько дней после возвращения из “эвакуации” И.П.Якуба с тт. Кобзарем и Шпаком обратился к оккупационным властям города с заявлением о том, что до их прихода село Воронцово-Николаевское имело свой сельский совет, а теперь нет никакой власти. Просили по “поручению” граждан назначить в село старосту.

Оккупанты приветствовали такую инициативу самих жителей села, приказали собрать сход граждан. На том собрании в их присутствии Ивана Петровича Якубу избрали старостой села Воронцово-Николаевского. “Староста” подобрал себе аппарат и разместился с ним в здании бывшего сельсовета. Приступил к исполнению обязанностей.

И.П.Якуба, идя на такое дело, не ошибся в том, что ему поверят не только немцы, но поверят и односельчане: его отец безупречно служил царю, сам он отважно сражался «за веру, царя и Отечество» в первую мировую войну, а Советской власти якобы служил потому, что другого выхода не было: надо было приспосабливаться для того, чтобы выжить; теперь германская армия избавила от неё, и “новой власти” он послужит “верой и правдой”!

Уже в первые дни деятельности “староста” понял, что на этом посту ему придётся не столько смотреть, куда граждане “потянут” колхозное имущество, сколько предстоит послужить советским людям, Родине в условиях фашистской оккупации. Он отдавал себе отчет в том, что за это, если “не угодишь” немцам, — поплатишься головой, а угождая фаши-

---

[1] РКСМ — Российский Коммунистический Союз Молодежи.

стам, — у односельчан заработаешь “славу” немецкого холуя, предателя Родины, презрение и ненависть.

Иван Петрович рассказывал:

“Наши здоровые люди с оружием в руках на фронтах Отечественной войны били фашистов, меня инвалида в действующую армию не взяли, поэтому решил помогать своим в немецком тылу. Для этого надо было стать “старостой”.

Писатель К.Гусев зря написал о том, что мною руководило желание «свести старые счеты с немцами за потерянный глаз». Без этого глаза я благополучно прожил с 1916 по 1942 год, мог жить и дальше: здоровье имелось. Надо быть дураком, чтобы ради мести за него одевать на шею самому себе петлю и каждый день ждать, когда тебя вздернут на виселицу!”— этими словами бывший “староста” закончил свой ответ на мой первый вопрос.

На второй вопрос об организации побега 42-х заключенных из концлагерей городов Сталино и Таганрога он ответил: “Таким делом я не занимался!” — и рассказал, как оно произошло.

Оккупационные власти города непосредственную связь со старостой села действительно держали через переводчика немца Генриха Курта, — гуляку и пьяницу, готового за водку, как говорится, продать душу черту.

Однажды Курт явился с распоряжением старосте подобрать 15 трактористов. Иван Петрович ответил, что в селе трактористов нет: одни воюют на фронтах, другие попали в плен и содержатся в концлагерях. Вспомнил о тех, за кого просили родственники, и сказал:

— Наши трактористы есть в лагерях военнопленных в Таганроге и Сталино, их там 42 человека. Если из лагерей выпустят, то будут трактористы.

— Шнапс ист?

— Залью водкой! — ответил Якуба. Были выписаны 42 пропуска с характеристиками и отзывами.

Бумаги от оккупационных властей города с просьбой освободить трактористов доставил старосте Курт.

Колхозники М.Блажко и Лопатин с этими документами забрали военнопленных, доставили их в село Воронцово-Николаевское в распоряжение старосты. Он отпустил их по домам, обязав стать на учет по месту жительства. Властям доложил о том, что 42 тракториста прибыли.

Больше о них немцы не спрашивали, по-видимому потому, что отпала необходимость. Никакого побега не было. Переводчика Курта напоили так, как ему хотелось. Освобожденные прожили дома до изгнания оккупантов из тех мест.

Бургомистр Потатука и староста Якуба обязаны были выполнять все требования германских оккупационных властей и выполняли, но… по разному. Население города в связи с необходимостью жить под властью оккупантов шло по месту жительства либо к бургомистру либо к старосте.

Уже в первые дни пребывания в этой должности Ивана Петровича оккупационные власти объявили о явке в гестапо для регистрации евреев, военнослужащих Советской Армии и членов их семей, коммунистов и комсомольцев, активистов общественных организаций. Предупредили об ответственности за неявку и укрывательство.

По словам И.П.Якубы первым к нему пришёл врач городской больницы Стаценко. Его жена — зубной врач, еврейка Дубинская. Оба люди не молодые. Он спросил старосту:

— Иван Петрович, как мне быть с женой?

— Она твоя жена. Сам решай, как быть. Тебя все здесь знают, знают и её: люди помогут! — ответил он. Стаценко ушёл… в гестапо и заявил. Когда возвратился домой, Дубинской уже не было: увезли гестаповцы.

В те же дни к нему в “сельсовет” пришла девушка-еврейка, эвакуированная из Днепропетровска. В Сальске она заболела и отстала от своих, уходивших на восток. К старосте явилась с таким же вопросом, как врач Стаценко.

— Иди дивчина за речку в колхоз имени Артюхиной. Найди председателя, скажи ему, что я прислал: будешь колхозницей до прихода наших войск.

Она жила и работала в колхозе до изгнания оккупантов из Сальска. После освобождения города нашими войсками встретилась со “старостой” на улице, упала на колени и благодарила за спасение.

“Я не понял, что происходит, почему она так делает. Забыл о ней. Она напомнила, когда поднял и поставил на ноги,” — пояснил Иван Петрович.

К нему шли многие жители села и доносили о том, что у них или у соседей живут семьи отступивших на восток наших офицеров. В таких случаях он заявителям говорил: “Сегодня приеду сам и разберусь!” Приезжал, предлагал такой семье немедленно покинуть квартиру при этом говорил, к кому, в каком районе села необходимо переселиться, сказав там: “Меня к вам прислал староста Якуба!”, а старым хозяевам не говорить, куда уехали.

Однажды к нему явился полицай Красночубов Николай (мой бывший художник в стенгазете “На пути”, которую выпускали комсомольцы села в 1920-е годы). Вместе они поехали на линейке[1], запряженной парой лошадей в полицию. По дороге встретили бывшего секретаря сельсовета, члена партии Диденко. Красночубов схватил вожжи и закричал: “Якуба! Останови лошадей: вон идёт Диденко, я сейчас застрелю эту гадину!” Иван Петрович вырвал вожжи, погнал лошадей, проговорив: “Без меня стреляй всех подряд, кого встретишь, а со мною делать этого не дам: ты подорвешь доверие ко мне односельчан!”

В тот день он посетил Диденко, выругал его и приказал ему скрыться: “Тебя здесь знает каждая собака, а Красночубов сегодня увидел тебя и хотел застрелить!”

На восточной окраине села сделал вынужденную посадку наш подбитый самолет. Летчик покинул машину и в ближайшем доме попросил хозяев спрятать его. Спрятали, а утром хозяин дома пришел и доложил старосте, что прячет у себя летчика.

Якуба хозяина дома знал и на его вопрос: “Что с ним делать дальше?” — ответил: “Переодень его в свою одежду, я дам справку, кто он и куда направляется. Пускай скорее уходит из села.” Фамилию летчика хозяин не знал. Придумали фамилию сами.

Рассказывая об этом случае, Иван Петрович высказал свое сожаление о том, что не записывал фамилии и адреса тех, кого приходилось выручать, как того летчика: “Теперь бы разыскал некоторых, поговорить бы с ними интересно!”

Секретарем у старосты работал Глазко Василий, сын крупного торговца в поселке Торговом до революции, а после неё — нэпмана. Учиться он начинал в Воронцово-Николаевской гимназии, а закончил в школе II ступени имени Карла Маркса.

В Торговом Глазко имели самый большой кирпичный дом. В 1920 году этот дом был национализирован Советской властью. Глазко купил себе дом поменьше, в нём и жила вся семья до прихода немцев. Секретарю “старосты” пришла в голову мысль при “новой власти” возвратить себе национализированный отцовский дом. Он поделился об этом со старостой.

“Я ему сказал, — говорил мне Иван Петрович, — ты, что с ума сошел? Немцы на нашей земле долго не удержатся: придет время их наши погонят. Тебя спросит Советская власть, как ты стал опять хозяином этого дома? Подумай, что скажешь?” Василий Глазко подумал и отказался от своей мечты.

После того, как армия Манштейна потерпела поражение под Сталинградом и начала отступать, в один из дней, рано утром к нему в “сельсовет” пришли три молодых парня, одетых в полушубки, и сказали:

— Староста, нам надо проехать с тобою от гребли вдоль аэродрома и посмотреть, что там делается.

---

[1] Четырехколесная, обычно пароконная, повозка с плоской платформой, на которую клали груз и сидели, свесив ноги на стороны.

— Я посмотрел на них, — рассказывал мне “староста”, — и сказал себе: “Да это же наши разведчики, ай да молодцы!” Спрашивать их ни о чём не стал, а сказал: «Раз вам надо, — поехали, проедем там, где надо, посмотрите!» На линейке, запряженной парой лучших лошадей, сам за кучера, поехал с ними по Низовой улице на западную окраину села к гребле, а от неё по дороге вдоль аэродрома к элеватору. У лесополосы перед элеватором они поблагодарили “старосту”, сошли и скрылись в лесополосе. Якуба возвратился в “сельсовет”.

В тот же день колхозники Шпак и Кобзарь сказали ему, что вчера вечером они встретили этих парней, узнали, что им требуется, и предложили вариант выполнения задания. Сегодня утром привели их в “сельсовет” к нему, а сами удалились: знали, что он не откажет.

Через два дня аэродром фашистов в Сальске рано утром бомбила наша авиация. Уничтожили на стоянках свыше 90 самолетов.

В середине лета 1942 года оккупанты приказали собрать крупный рогатый скот в селе Воронцово-Николаевском и перегнать его в Ростов-на-Дону для отправки в Германию. “Староста” приказание выполнил: скот собрал, назначил колхозников перегонять его в Ростов и там сдать. Доложил оккупантам. Сопровождающим дал указание скот в Ростов не гнать, а пасти его в степи, перегоняя с места на место, от хутора к хутору вокруг села Воронцово-Николаевского. Сопровождающих снабдил периодически обновляемыми соответствующими документами. На зимовку скот оставили на хуторах. Так сберегли скот до прихода наших.

На мой вопрос: “Как он — Полный Георгиевский кавалер, человек безусловно отважный и мужественный, чувствовал себя в такой должности?” — товарищ Якуба ответил:

“Тогда я был молодой, отчаянный. В открытом бою с врагами было легче, вот и стал Полным Георгиевским кавалером. А быть старостой у немцев 6 месяцев, показывать свое усердие в службе им было тяжело: я каждый день и ночь ждал, что сейчас появятся гестаповцы, заберут, повесят: ведь в среде наших людей были и сволочи, что тянулись к фашистам, служили им верой и правдой. Ко мне каждый день шли люди: одни за помощью, другие — с доносами, среди тех и других могли быть посланные гестапо сволочи.

Если бы немцы продержались в Сальске больше — меня разоблачили бы и повесили. Один раз чуть не погорел: на первый раз поверили тому, что я допустил ошибку, ограничились поркой. Вообще жаль, что в Сальске отсутствовало хорошо организованное подполье, можно было бы делать большие дела. Об эвакуации позаботились вовремя, а об организации подполья не подумали. Я действовал один со своими колхозниками-дружками. Делали, что могли,” — так сказал бывший “немецкий староста” села Воронцово-Николаевского Якуба Иван Петрович.

В день поспешного отступления оккупантов из Сальска к его дому подъехала машина с отступавшими немцами. Офицер приказал ему следовать за ними. Иван Петрович сел в запряженную лошадьми линейку и поехал в “эвакуацию” теперь уже с немцами. На перекрестке с Кузнечной улицы немцы повернули направо и быстро погнали машину по дороге в Ростов, а он доехал до перекрестка и повернул налево и погнал лошадей по той же дороге на восток, навстречу наступавшим Советским войскам.

В день освобождения города от фашистов “немецкий староста” села Воронцово-Николаевского явился к командованию наступавших частей и представился. Его посадили в камеру в бывшем здании гестапо на улице Ленина. Он там сидел три дня. Офицеры разведывательного отдела штаба наступавшей на Сальском направлении армии нашли его там и благодарили за всё сделанное, после чего отпустили домой.

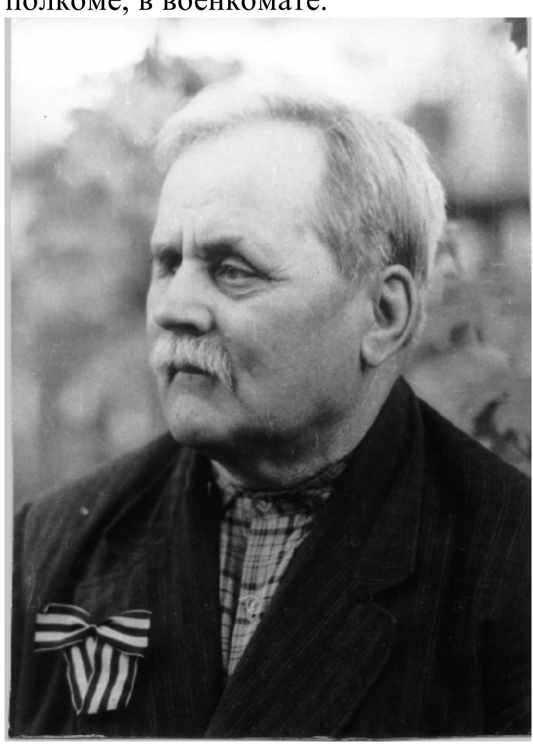
Вслед за войсками в Сальск возвратились из эвакуации председатель райисполкома Шестёрка, ответственные работники райисполкома, райкома партии и другие. Создали комиссию по расследованию зверств оккупантов и их приспешников в городе. На основании материалов расследования Константин Гусев написал большую статью, и в её разделе “Не

забудем, не простим!” рассказал о зверствах фашистов в Сальске, а во втором разделе “Староста” — о деятельности Ивана Петровича. Статью напечатали отдельной брошюрой и распространили среди населения. Люди узнали из неё всё страшное, что совершили оккупанты и их приспешники в Сальске и во всём районе. Раздел “Староста” реабилитировал “старосту” села Воронцово-Николаевского Ивана Петровича Якубу перед односельчанами и жителями города Сальск!

О документах, на основании которых писалась статья и её раздел “Староста” Константин Гусев написал:

«Всё это — подлинные документы о великой ненависти к врагу, живые свидетели непреклонной твердости характера русского человека, сумевшего в исключительно трудных условиях остаться верным Родине и своему народу».

В мае 1965 года отпраздновали двадцатилетие нашей Победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов. Прошло двадцать два года после того, как был освобожден город Сальск от фашистских оккупантов и напечатана брошюра “Не забудем, не простим!”. Время не такое большое для того, чтобы успеть забыть подвиги героев — местных жителей — в годы войны, забыть живых еще самих героев (в масштабе маленького города в Сальской степи), но тем не менее в Сальске об Иване Петровиче забыли. Забыли быстро. Забыли в райкоме партии (он беспартийный), забыли в райисполкоме, в военкомате.

Его не пригласили на торжественное заседание, посвященное празднованию, не прислали поздравительную открытку. Накануне празднования я был в гостях у своей матери в Сальске и навестил И.П.Якубу. Перед этим военкомат прислал мне поздравительную открытку. После визита к “старосте” у начальника 3-й части военкомата майора Омельчука я спросил: “Известно ли военкомату, что-нибудь о деятельности Якубы в период оккупации города немцами?”

— А как же, — ответил майор, — всё знаем!

— Послали ли вы ему приглашение на торжественное заседание, поздравительную открытку?

— Нет не посылали: забыли!

Я посоветовал послать. Мне стало стыдно и обидно.

Послал открытку сам горвоенком в тот же день с посыльным домой к Ивану Петровичу. На торжественное заседание не пригласили.

В День Победы я навестил Ивана Петровича. Увидел, как был рад человек открытке от самого военкома. Он показал открытку со словами:

“Знаешь, её прислали не по почте, а с посыльным из военкомата!” — радовался человек именно тому, что не забыли о его подвиге, помнят о нём!

Я промолчал: нельзя было портить настроение человеку! А мне было стыдно…

А ведь забыли об исключительном подвиге колхозника, о нём самом!

Не случайно забыли, а постарались забыть прежде всего те, с кем не поехал он в эвакуацию: подвиг беспартийного заместителя председателя правления колхоза возвышал его в глазах населения над ними, а с этим они никак не могли примириться!

Поэтому никто из них “не догадался” после напечатания брошюры “Не забудем, не простим!” в 1945 году представить его за совершенный подвиг к награде хотя бы медалью “За отвагу”. Никто не догадался хотя бы в школьном музее иметь его портрет и хранить описание подвига.

С самого 1945 года до последних дней его жизни его ни разу не пригласили ни в одну из школ села и города рассказать о шести месяцах деятельности на посту “старосты”.

А пишем везде, говорим: “Не забудем, не простим!”

Бургомистр и другие местные деятели гражданской администрации оккупантов последовали из Сальска за ставшими для них «нашими» немцами, поспешно отступавшими под ударами Советских войск. Бургомистр Потатука с дочерьми, оставившими детей на попечение родителей их отцов — офицеров Советской Армии, — покинул Сальск вместе с немцами. Туда же отбыл начальник “биржи труда” Евгений Рысаков. Они далеко не ушли: под Ростовом попали в плен к нашим.

После расследования, проведенного соответствующими органами, бывшего бургомистра города Сальска и бывшего начальника “биржи труда” Сальска отправили за Урал отбывать наказание, искупать свою вину.

Дочери в момент пленения с отцом не находились: были при немецких офицерах. Нашим объяснили, что немцы их увезли с собой насильно. Этому поверили: обе были молодые, красивые, и у тех офицеров, кто с ними разбирался, появилось желание не расставаться с ними. Было бы желание: их скоро сделали военнослужащими Советской Армии, зачислили на штатные должности переводчицами, а ППЖ[1] они стали по собственному желанию. На этих должностях Наточка дошла до Берлина, а Верочка — до Праги. По окончании войны стали женами тех офицеров, коим служили как ППЖ. Создали новые семьи. Как участницы войны награждены в 40-ю годовщину Победы орденами Отечественной войны[2].

В Сальске ни одна из них после войны не появлялась. Бывшие их мужья, сальчане, живут и работают в этом городе. Отец “девиц” Потатука, в середине 60-х годов заезжал в Сальск после отбытия срока наказания. Сказал знакомым, что Евгений Рысаков умер в заключении в начале 50-х годов.

Активный сотрудник местной газеты оккупантов для русского населения, ярый клеветник на Родину, на народ, на коммунистическую партию, Красную Армию Валентин Ланговой и самый лютый, самый страшный полицай в Сальске Николай Красночубов ушли вместе с немцами и затерялись неизвестно где.

В начале 60-х годов в Сальск приехал по туристической путевке старший брат Лангового — бывший белый офицер, эмигрировавший в Польшу по окончании гражданской войны. Там он принял польское подданство, обзавёлся семьей и жил во время оккупации Польши фашистами и всю Великую Отечественную войну. Старый знакомый семьи Ланговых А.Кечеджиев тогда с ним встречался, говорил. По его словам старший брат возмущался тем, что младший изменил Родине. А сам?

---

[1] ППЖ — походно-полевая “жена”. Расшифровка аббревиатуры, созвучной названию автомата ППШ, бывшего на вооружении Красной Армии, говорит сама за себя (ППШ — пистолет-пулемет Шпагина: наиболее известна модификация с подствольным патронным магазином в форме диска).

[2] Если у них от новых мужей были дети, то вряд ли они рассказали им, что дед — изменник Родины, что они сами тоже изменницы, избежавшие ГУЛАГа тем, что стали ППЖ у беспринципных контрразведчиков, которые вполне могли и обязаны были по долгу службы навести справки о том, чем обе эти шлюхи занимались у себя дома в период временной оккупации. Зато дети их и им подобных наверняка что-то знают, что их родители познакомились на войне и героически защищали свой народ от шпионов, изменников, пособников оккупантов.

Просто по жизни — нравственно правый человек

Об истинном характере деятельности И.П.Якубы на посту старосты в период фашистской оккупации мы знаем благодаря двум обстоятельствам: во-первых, гестапо до него не успело добраться; во-вторых, официальная журналистика зафиксировала этот факт в брошюре 1943 г. издания, хотя и осмыслила его в меру своего понимания (месть немцам за потерянный в прошлой войне глаз) и постаралась приспособить к тогдашним потребностям агитации и пропаганды (спасайте наших людей, — бросает клич Якуба).

Что же в действительности намеревался делать И.П.Якуба, приняв решение стать старостой при оккупантах, и как сложились обстоятельства, в которых ему пришлось работать на благо Родины на этом посту, мы узнали только из записи разговора с ним самим, который имел место накануне двадцатилетия Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. Это не было официальное “интервью с земляком-героем”, приуроченное к случаю, взятое профессиональным пустобрехом-журналистом. Это была дружеская беседа двух защитников Отечества, принадлежавших к разным поколениям и знакомых друг с другом на протяжении нескольких десятилетий, поэтому в ней Иван Петрович попросту, без журналистской патетики, рассказал, как было дело, и как он ко всему этому относится.

> Для него это был не подвиг, а просто часть его жизни — сознательно целеустремлённая деятельность в сложившихся вокруг него обстоятельствах: он не лез в петлю и не искал чинов, наград, льгот будущим ветеранам и т.п.; он просто делал то, что находил полезным для блага народа; к этому его никто не обязывал в приказном порядке, его не принуждали под страхом чего-либо, его не упрашивали и не выдвигали как своего доверенного человека жители села. А завершив это служение народу, он продолжал жить так просто, что о его служении народу все забыли.

Он увидел грядущее бедствие и по своему нравственному произволу принял на себя сам заботу о соотечественниках в трудное для всех время. Тем самым он взял в свои руки концептуальную власть в масштабах села Воронцово-Николаевское в период его оккупации врагом. С этого момента в Воронцово-Николаевском гитлеровскому полновластию не было места. И было это возможным потому, что, с одной стороны, оккупанты были убеждены, что Иван Петрович — действительно «их староста», верный раб и покорный слуга, хотя и малость тупой, как и все эти русские-унтерменши; а с другой стороны, и большинство односельчан в этом тоже нисколько не сомневались, в противном случае те, кто считает, что жить нужно «прямо сейчас» выдали бы его оккупантам, некоторые (такие как Красночубов, Глазко, Потатука с дочками и мерзавцы помельче), возможно, из желания занять эту “почетную” и безопасную при власти немцев должность.

Безусловно, что в войну было множество старост и прочих пособников оккупантов, которые действительно изменили своему народу кто из страха, кто из близорукого своекорыстия. Но не о них речь в настоящей записке.

Мы думаем, что во всём множестве сёл, деревень, городов и городков Союза, оказавшихся в зоне нацистской оккупации, были и другие “немецкие старосты”, принявшие на себя Русскую концептуальную власть, хотя они и не составляли большинства среди тех, кто сотрудничал с оккупантами и не знали таких слов «концептуальная власть». Но не все они смогли избежать лап гестапо; не обо всех из них вовремя вспомнили разведотделы, чьи кадры они защитили от гестапо неподдельными “аусвайсами” (удостоверениями личности), выдаваемыми оккупационной властью; не все такие “пособники” оккупантов смогли оправдаться впоследствии и перед ретивыми до глухоты и слепоты следователями отечественных спецслужб; не обо всех сохранились воспоминания.

Имена всех тех, кто в тяжелую годину делом показал, что ОН — И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН, — Бог весть. И мы должны быть им всем благодарны: они своею волей приняли на

себя то, что другим было либо не по силам, либо от чего другие массово уклонялись на протяжении всех лет мирной передышки по завершении гражданской войны, тем самым сделав возможным само нападение фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года.

Чем отличалась концептуальная власть И.П.Якубы от концептуальной власти И.В.Сталина (а равно от какой бы то ни было иной концептуальной власти)? — качественно ничем; количественно — областью досягаемости и степенью влияния враждебных концепций на текущее управление по полной функции каждым из них.

Партийный большевик И.В.Сталин изобразил из себя “всесоюзного старосту”[1] в глазах троцкистов — иудейских интернацистов, прикрывавших большевистскими лозунгами справедливости и искоренения эксплуатации человека человеком несомую ими доктрину построения глобального расового “элитарно”-невольничьего строя.

Беспартийный большевик И.П.Якуба сначала изобразил из себя “слабого середняка”, тем самым упреждающе защитив свою семью от троцкистского интернацистского “раскулачивания” в коллективизацию; а потом изобразил из себя перед гитлеровскими нацистами потомственного врага советской власти, готового стать холуем новых оккупантов.

Но он не был ни маленьким “винтиком” в “сталинском тоталитарном” государстве, ни пособником гитлеровцев, которому судьба “улыбнулась” так, что его не достали ни партизаны, ни гестапо, ни госбезопасность. Не стал он престарелым “совком” и в хрущевские времена.

Он был нравственно правым человеком, берущим на себя всю посильную ему полноту власти, начиная с концептуальной, в меру своего понимания общественной пользы; и потому Бог был ему в помощь в его начинаниях и делах.

Если бы *большинство, доныне иждивенчески, беззаботно-потребительски относящееся к власти,* одумалось и проявило бы данную Свыше каждому способность вести себя так, то Русская цивилизация многих народов жила бы в преемственности поколений, не имея катастрофически разрешающихся проблем собственного её развития, поскольку «Бог не есть бог неустройства, но мира», и развивалась бы бескризисно.

Эта позиция качественно отличается от лозунга «берите суверенитета, кто сколько может», с которого начались “демократические” и государственные преобразования в России в начале 1990-х гг. Смысл этого хлесткого лозунга, брошенного Б.Н.Ельциным, конечно, если всё выразить русским языком, однозначно нацеливает общество на феодальную раздробленность и беспощадные нескончаемые междуусобицы: «суверенитет — полная независимость государства от других государств в его внутренних и внешних отношениях».

Понятие суверенитета в его сложившемся к настоящему времени виде не включает в себя концептуально самостоятельного государственного управления, а понятие демократии — не предполагает концептуального властвования, доступного всем и каждому из числа не повредившихся безнадежно умом.

То есть ельцинский лозунг имеет однозначный смысл: *кто как может разрушайте общую государственность и придавайте государственные формы своим суверенитетам — уделам и хуторам (если дойти до предела мечтаний государственно беззаботного кулацкой алчности).*

Этот лозунг не повис в воздухе, а разразился государственной катастрофой не потому, что все законопослушно подчинились главе государства, а потому, что в обществе было

---

[1] Хотя «всесоюзным старостой» именовали М.И.Калинина (1875 — 1946), занимавшего на протяжении лет советской власти один и тот же пост, изменявший свое название: с 1919 г. — Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК); с 1922 — Председатель ЦИК СССР; с 1938 г. до смерти — Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

изрядное количество тех, чьи помыслы и мировоззрение Б.Н.Ельцин выразил. Он просто дал им понять, что возглавляемый им режим не будет препятствовать разрушению общего всем государства, и каждый, поймав момент, может — безнаказанно со стороны государства — хапнуть, кто сколько пожелает.

Государство — КГБ — действительно не наказало: репрессий не было. Но наказали себя сами: одни — тем, что обожрались сверх меры и исходят на дерьмо, а другие — тем, что не воспрепятствовали этому и позволили обглодать себя, не изменили своего мировоззрения, подумав о том, что будет, если каждый индивид начнет обособлять под своим единоличным “государственным” суверенитетом всё то, что он смог урвать от общего[1].

И в России ныне общий счет прямых и косвенных жертв демократических преобразований давно уже превысил счет жертв репрессий 1930-х — начала 1950-х годов.

То, что все концептуально безвластные исчезающе малые корпоративные и единоличные “суверенитеты”, следуя этому лозунгу, обречены стать жертвами глобального рэкета, осталось в недомыслии одних и недомолвках других, хотя это и было главной целью политики антирусской концептуальной власти заправил Библейского проекта построения расового “элитарно”-невольничьего глобального государства.

Чтобы преодолеть последствия такого прошлого и избежать повторения подобного в будущем, каждому необходимо преобразить свои нравственность и мировоззрение, а также проистекающую из них этику.

Судьба страны и Земли — в ваших нравах, умах и руках, сограждане

Но ныне России дана Свыше возможность изменить свою жизнь к лучшему: 26 марта 2000 г. большинство избрало нового “старосту”, хотя точно также не задумывалось о концептуальной власти, как и во время двух прошлых избраний Б.Н.Ельцина. И на наш взгляд, на сей раз большинство, проголосовавшее за В.В.Путина, не ошиблось в своем выборе, хотя средства массовой информации пытаются переубедить всех, доказывая обратное. В этом неприятии итогов выборов в слаженном хоре слились голоса и прозападно “демократических” средств массовой информации, и демонстративно оппозиционных прежнему режиму.

Причина этого неприятия итогов выборов всеми записными интеллектуалами состоит по существу в том, что победивший В.В.Путин, в отличие от его опозорившихся соперников, является выходцем из семьи трудового простонародья и в советское время не принадлежал к какой бы то ни было “элитарной” корпорации[2], наследниками и продолжателями дел которых являются нынешние “демократическая” и “патриотическая” “элиты” и их лидеры.

---

[1] В этом лозунге выразилось хуторско-кулацкое мировоззрение Б.Н.Ельцина. Чечня — результат такого бездумного и беззаботного о последствиях бросания призывов к установлению государственного суверенитета хуторов и мелких княжеств, не способных к государственной самостоятельности в том числе и потому, что в них не вмещаются современные многоотраслевые производственно-потребительские системы. Чеченцы во множестве совсем ошалели, возобновляя рабовладение в своем “суверенитете”.

[2] КГБ в целом — это не корпорация, а тяжелая и не всегда благодарная работа по обеспечению безопасности жизни народа в государстве и безопасности государственности, хотя дело защиты безопасности народа и дело защиты *безопасности государственности (как системы профессионального управления)* не совпадают друг с другом в условиях концептуальной неопределённости общества, расколовшегося на “элиту” и простонародье. И вопрос в отношении каждого ГБ-шника (а не только В.В.Путина) персонально: поддерживает ли он своими помыслами и делами толпо-“элитарные” концепции общественного устройства, холуйствуя перед “элитой” и её хозяевами, либо действует всеми доступными ему средствами против них, видя в этом свой долг служения народу?

И после избрания нового главы государства Российского от каждого его жителя, так или иначе, зависит:

- либо сдать “старосту” оккупантам, переложив на него долю своей ответственности за будущие судьбы России и человечества, и посвятить все свои усилия исключительно достижению целей мелочного своекорыстия (так сдали оккупантам Советский Союз, поскольку при жизни И.В.Сталина всю ответственность перелагали с себя на него, а потом на его преемников, вследствие чего устранение И.В.Сталина врагами народа решило судьбу страны на многие десятилетия, за что ныне и расплачиваемся, причём еще не в самой жестокой форме);
- либо соотносить все свои каждодневные действия с вопросом «на благо ли будущему народа то, что я намереваюсь делать и делаю?», и тем самым поддержать Русскую концептуальную власть (при этом государственность России будет изолирована от воздействия на неё врагов через коллективную психику, порождаемую обществом, и будет подчинена извечным идеалам справедливости тружеников).

22 февраля — 9 апреля 2000 г.